

РАЗДЕЛ 5. СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И КУЛЬТУРА РЕЧИ

УДК 81'373.72

ЭКСПАНСИЯ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Абламская Е.В.

*Николаевский национальный университет им. В.А. Сухомлинского,
г. Николаев, Украина*

В статье рассматривается социально-экономическая мотивированность развития словарного состава языка на материале сниженной лексики в современном русском языке.

Ключевые слова: демократизация языка, сниженная лексика, жаргонизация, вульгаризация.

Актуальность. Яркой чертой современности является интенсивная демократизация языка в сочетании с отменой цензуры, приведшая к тому, что потоки сниженной, жаргонной, а нередко и уголовной и нецензурной лексики вышли за пределы своей социальной среды и стали достоянием всех жанров, требующих экспрессии: художественных текстов, газетных и телевизионных репортажей, публицистических выступлений, политических дебатов. На рубеже XX-XXI веков демократизация языка достигла таких размеров, что правильнее назвать подобный процесс либерализацией, а ещё точнее – вульгаризацией. Тот факт, что жаргонизмы теперь уже, как правило, не поясняются в текстах, не требуют «перевода» на стандартный и общепринятый язык, свидетельствует о том, что они уже ворвались в речевой обиход образованного общества, демонстрируя «свободу самовыражения» и право на выбор любых выразительных средств. Конец XX – начало XXI века характеризуется интенсивным расширением использования сниженных слов и выражений в русском языке. Господствующие до этого времени дискурсивные типы перестраиваются в качественно новый дискурс – агрессивный, риторичный, актуализирующий в языке функцию воздействия и, как следствие, требующий, с одной стороны, новых форм для старых значений, с другой – переосмысления существующих в языке лексем, вытеснения из них прежнего значения новым. Этот процесс совершается по нескольким направлениям, главное из которых характеризуется интенсивной жаргонизацией словоупотребления: переходом жаргонных лексем и значений в сферу общеизвестной лексики. Жаргонизация современного русского литературного языка – это не просто проникновение в него словечек из того или иного жаргона, такие проникновения

отмечались и раньше, они существовали всегда. Новым стало массовое формирование так называемого общего жаргона, или интержаргона, или общенационального (в отличие от социально замкнутого) сленга, когда в однородную массу переплавляются слова и выражения из разных жаргонов. Сюда попадают и канцелярский новояз (наработки, текстовка), и военный лексикон (зачистка, задействовать), и новорусские словечки (крутой, гламурный), и современное арго преступного мира (кинуть, лимон, лох), и молодежный сленг (тусовка, крыша едет). Все эти слова постепенно перестают маркировать принадлежность говорящего к той или иной социальной группе, они начинают широко использоваться всеми прослойками общества. Даже публичные выступления политиков, от которых ожидается хороший уровень русского литературного языка, нередко грешат лексически «неполиткорректными» жаргонизмами, ставшими приметой нашего времени.

Таким образом, то, что наблюдается в наше время, не является замкнутой речевой системой, и правильнее было бы обозначать это не жаргоном, а жаргонной (или жаргонизированной) лексикой. Этот процесс приобретает массовый характер. Жаргонизация литературного языка опасна не только тем, что несёт разрушение культуры, а в большей степени тем, что насаждает и утверждает цинизм в обществе, огрубляет души и мировосприятие людей.

На несколько порядков шире проявляет себя процесс актуализации в семантической структуре уже существующих в общеупотребительном языке слов значений, ранее бытовавших в жаргонах. Основное, традиционное значение вытесняется на периферию, привычные слова начинают восприниматься в их соотнесенности со сниженными понятиями, хотя интенция говорящего может иметь иное направление: *базар* (*базарить*) – выяснение отношений; разговор; *баян* – шприц; *болт* – перстень-печатка; *гасить* – бить до потери сознания; *гнуть* – говорить неправду; *грузить* – утомлять трудновоспринимаемой речью, внушать что-либо; *завалить*, *замочить* – убить; *замочить* – *крыша* – криминальная поддержка предпринимательской деятельности; *кинуть* – обмануть; *колоть* – заставлять кого-либо в чем-либо признаться; *мусор* – милиционер; *наезжать* (*наезд*) – предъявлять требования; *опустить* – подвергнуть унижению или резкой насмешке; *петух* – инвектива; *плетка* – пистолет; *приход* – начало действия наркотического вещества; *стрела* (*стрелка*) – условленная встреча; *тереть* (*перетирать*) – разговаривать о делах, решать вопросы в беседе. Наблюдения показывают интенсивное распространение в современной русской лексике усеченных слов, слов-обрубков, которые отличаются от своих производителей (общеупотребительных слов) новым качеством отчетливо выраженной сниженностью. Данные лексемы образованы с явными нарушениями традиционных словообразовательных механизмов. Корни усекаются практически произвольно: *азер* (азербайджанец), *алик* (алкоголик), *Афган* (Афганистан), *глюк* (галлюцинация), *диссер* (диссертация), *дистроф* (дистрофик), *мент* (милиционер), *преп* (преподаватель), *хрон* (хронически больной человек) и целый ряд других. Эффект сниженности подобных слов возникает не просто в результате сокращения материальной оболочки производящей основы (морфологический способ словообразования при помощи нулевого суффикса широко распространен в русском языке). В данном случае очевидно, что важным стилиобразующим, снижающим средством является именно нарочитая

нестандартность, отсутствие словообразовательной закономерности в акте усечения лексемы.

Серьезной проблемой является и процесс вульгаризации языка, чему способствует обилие современных романов, боевиков, детективов. Гранью вульгаризации языка является детабуирование (например, снято табу с сексуальной лексики). Самым отрицательным последствием вульгаризации языка является вымывание высокого, что меняет весь традиционный облик русского языка. В общеупотребительном языке сегодня широко используются слова, которые до недавнего времени были прерогативой уголовной субкультуры, а сегодня стали осмысляться как возможные для публичного использования, в том числе для устной официальной речи: *дурковать, жмурик, канать, кемарить, лажа и облажаться, мазы, менжа и менжоваться, чмо, совок, тусовка, разборка, беспредел*.

Интенсивные модификации русского дискурса конца XX – начала XXI века требуют выяснения факторов, лежащих в основе этого процесса. С одной стороны, активизацию сниженной лексики в современной русской речи следует рассматривать в контексте внутреннего закономерного развития национального языка и его ядра языка литературного. По мнению Б.А. Ларина, «историческая эволюция любого литературного языка может быть представлена как ряд последовательных «снижений», варваризаций, но лучше сказать как ряд концентрических развертываний» [3, с. 176]. Видимо, действие закона экономии речевых усилий, заставляющего использовать более краткие по форме и емкие по смыслу экспрессивные лексические единицы, и закона аналогии, упрощающего, универсализирующего лексический, словообразовательный и другие системные уровни языка, возникая на низших функционально-стилистических ступенях, со временем распространяется в сфере общеупотребительной речи.

Однако не вызывает сомнений, что главными трансформаторами современного русского дискурса выступают экстралингвистические факторы. Сниженная лексика была представлена в языке и до 90-х годов XX столетия. Как отмечают исследователи [2, с. 61], в XX веке русский язык трижды испытал нашествие сниженных слов (в частности арготизмов). Важно отметить, что вторжение арготизмов и прочих жаргонных единиц было связано с глобальными историческими событиями, социальными переменами, идеологическими сломами: 10-20-е годы XX века – Первая мировая война, две революции, гражданская война, НЭП, повлекшие возникновение революционной и параллельно мелкобуржуазной идеологии; 40-60-е годы – Великая Отечественная война, затем идеологическая ломка после 1956 года, «оттепель». В основе сегодняшних трансформаций языка лежат преобразования общественно-экономических условий, начавшиеся в 80-90-е годы прошлого столетия и продолжающиеся до настоящего времени. Изменение способов материального существования человека в современном обществе повлекло смену идеологической парадигмы. Возникла необходимость самостоятельно отвечать за свой общественный статус, самоутверждаться в конкурентной борьбе; актуализировался страх субъекта перед окружающим миром. Характер социальных отношений приобрел своеобразную напряженную диалогичность. Снятие социально-политических запретов по инерции распространилось и на сферу языка: «свобода» в нем проявилась, в частности, в виде ненормированного словоупотребления. Отмена цензуры в СМИ привела к тому, что тоталитарный дискурс потерял искусственную поддержку. В обществе резко возросла

активность отдельных социальных групп – носителей сниженных форм языка: коммерческой, уголовной, молодежной. В публицистическом, политическом, художественном и других видах дискурса широко разрабатываются темы криминальной, политической борьбы, наркомании и пьянства, секса, проституции; в рекламных роликах активно используются ранее табуированные номинации гинекологического и урологического характера (*критические дни, моча, менструация, прокладки, тампоны*). Это обусловлено выдвиганием на первый план интересов, связанных с коммерческой деятельностью, сферой быта, удовлетворением естественных потребностей человека. В итоге язык становится в значительной степени средством самоутверждения субъекта в социуме. Дискурс приобретает агрессивность, речевое поведение – риторичность; активизируется функция воздействия в языке. Интенсивно развиваются полемические формы диалога.

Качественно новый этап обозначился сегодня и в распространении обценной (непристойной) лексики. Исследования показывают его невиданную ранее экспансию. Отсюда вопрос о факторах, вызывающих интенсивный наплыв обценной лексики в современной речи, требует отдельного внимания. Процесс инвективизации имеет, как представляется, следующее объяснение. Грубая лексика активизировалась как естественная реакция на неоправданное засилье высокой парадной лексики в тоталитарном дискурсе периода СССР. Таким образом, она как результат реактивного снижения дискурса явилась ответом на сформированные неадекватно реалиям тоталитарные тексты. Инвективы, будучи элементами «неофициального» языка, воспринимаются субъектами речи в качестве одной из форм социального протеста, поэтому политическая свобода на бытовом уровне проявилась в психологической готовности публично использовать нецензурную лексику, которая в определенных социальных слоях, а главное – в определенных ситуациях – перестала мыслиться как табуированная. В разговорном дискурсе употребление инвектив диктуется необходимостью для субъекта речи эмоциональной разрядки. Матерные слова, благодаря своему особому положению в языке, создают при употреблении мощный резонанс, реализуя тем самым экспрессивную функцию. Инвективы употребляются также для обеспечения связности устных разговорных текстов при недостаточности в языковом арсенале говорящего иных текстообразующих средств. Что касается социального статуса носителей интержаргона, то большую часть (около 60%) авторов сниженных словоупотреблений составляет молодежь в возрасте от 14-15 до 30 лет. При этом социальный состав ее неоднороден: в большинстве своем – школьники, студенты, аспиранты и молодые преподаватели вузов разного интеллектуального и культурного уровня; меньшую часть составляют лица, занимающиеся предпринимательством, в том числе торгующие на рынках, люмпенизированные слои (наркоманы, носители уголовного сознания, не нашедшие себя в жизни молодые люди). Оставшаяся доля – лица более зрелого возраста: работники милиции, коммерсанты (как «офисные» работники, так и торговцы на рынках), преподаватели вузов, рабочие и служащие. В СМИ зафиксированы высказывания крупных общественных деятелей, государственных чиновников (в том числе депутатов), журналистов.

Исследования свидетельствуют о том, что факты сниженного словоупотребления зависят не от определенного статуса носителей языка, а от характера коммуникативной ситуации. Тем самым закладываются основы для нового понимания социальных жаргонов. Как известно, современные изыскания по

вопросу о распространенности социальных диалектов опираются на предположение об их замкнутости в среде их носителей. Утрированно (или на бытовом уровне) эту точку зрения можно выразить так: уголовник, наркоман, милиционер и т.д. пользуется присущим ему языком, не осознавая его сниженности, неуместности. Лингвистические материалы говорят о том, что человек любого социального уровня в соответствующей речевой ситуации может перейти в сниженный «регистр» языка, преследуя определенные коммуникативные цели. Опыт подсказывает, что уголовник, желающий устроиться на работу, в отделе кадров любого предприятия забывает на время арго; инженер, всю жизнь вращавшийся в интеллигентской среде и теперь занявшийся предпринимательством, овладевает не только коммерческим жаргоном, но и тесно связанным с ним языком уголовной «крыши».

Выводы. Таким образом, выбор стиля общения определяется в значительной степени конкретной речевой ситуацией, а гибкость в его использовании зависит от развитости языкового сознания носителя речи, от объема его лексикона, который формируется (часто помимо воли субъекта) в настоящих условиях чрезвычайно активно: за счет СМИ, кино, художественной литературы, активного общения в разных социальных сферах и т.д. Поэтому в языке выражается не только «образ жизни речевого коллектива, который его породил», то есть социального субъекта, как полагает Э.М. Береговская [1, с. 39], но и качество социальных связей. Язык характеризует не столько группы, сколько целостную социальную структуру в ее тенденциях.

Список литературы

1. Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование / Э.М. Береговская // Вопросы языкознания. – М., 1996. – №3. – С. 32-41.
2. Грачев М.А. Третья волна /М.А. Грачёв // Русская речь. – М.,1992. – №4. – С. 61- 64.
3. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание / Б.А. Ларин. – М.: Просвещение, 1977.

Абламська О. В. Експансія зниженої лексики у сучасній російській мові // Учене записки Тавричеського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.119-123.

Стаття присвячена соціально-економічній мотивованості розвитку словникового складу мови на матеріалі зниженої лексики у сучасній російській мові.

Ключові слова: демократизація мови, знижена лексика, жаргонізація, вульгаризація.

Ablamskaya E.V. Expansion of mionectic vocabulary in modern russian language // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.119-123.

In the article the socio-economic explained of development of dictionary composition of language is examined on material of mionectic vocabulary in modern Russian.

Key words: democratization of language, mionectic vocabulary, zhargonizaciya, vulgarization.

Поступила в редакцию 22.03.2011 г.